

А. И. ПОПОВ

Кандидат исторических наук, старший преподаватель

Самарского педагогического института

ВЮРТЕМБЕРЖЦЫ В ПОХОДЕ НА РОССИЮ

Вечером 5 февраля 1812 г. король Фридрих Вюртембергский получил письмо Наполеона, который, в частности, писал: «Различные признаки уже давно убеждают меня, что русский император не соблюдает более Тильзитного договора... Я не хочу начинать военных действий, но я хочу быть готовым отразить их ... я хочу, чтобы контингент Вашего Королевского Величества был готов выступить в поход 15 февраля».ⁱ Как член марионеточного Рейнского союза, король Фридрих был прочно привязан к колеснице великого завоевателя и был обязан по договору выставить контингент в 12 тыс. человек.

В ночь с 5 на 6 февраля была объявлена мобилизация, которой подлежали 5 пехотных, 4 кавалерийских полка, оба егерских, оба фузилерных батальона, вся артиллерия: 4 батареи и резервный парк. Из этих войск были сформированы пехотная (ген.-лейт. И. Шелер) и кавалерийская (ген.-лейт. А. Вельварт) дивизии, численностью в 13.619 человек, 3601 лошадь и 32 орудия.ⁱⁱ С учетом отправленного в августе в Россию запасного полка, всего Вюртемберг выставил 15.800 человек, то есть больше, чем требовал договор.

Особой заботой короля было верховное командование. Грубый и деспотичный, он всегда ревниво оберегал свои суверенные права, и для него мучительны были воспоминания, как в 1806 и 1809 гг. он должен был отдать свою армию под команду взбалмошного Вандамма. На сей раз он решил упрекнуть императора и 6 февраля сообщил ему, что поставил во главе корпуса своего старшего сына, кронпринца Фридриха Вильгельма. Это казалось королю гарантией, что его войска не попадут под французское командование, не будут распределены между разными соединениями, а составят собственный армейский корпус.

11 марта вюртембергские войска двинулись на восток. Каковы же были их настроения в преддверии грядущей войны? Сам король Фридрих был далек от воодушевления по поводу предприятия честолюбивого завоевателя, но вынужден был поддерживать того, кому был обязан королевской короной. Он тем более не мог позволить себе препирательств с Наполеоном, что находилась в родстве с русским царствующим домом: его сестра — императрица-мать, так что Александру I он приходился дядей, его брат Александр находился на русской службе. Несомненно, будущая война не находила одобрения в душе вюртембергского монарха, и не случайно, что в самом начале похода его министр иностранных дел заявил русскому посланнику в Штутгарте: «мой господин не рассматривает себя находящимся в войне с русским императором».ⁱⁱⁱ Кронпринц Вильгельм, никогда не служивший под французскими знаменами, открыто выражал недовольство французским «новым порядком» в Европе, да и теперь не скрывал, что принял начальство над корпусом лишь для того, «чтобы защищать своих поданных, вынужденных воевать за чужие цели».^{iv}

Высшие офицеры, безусловно, знали о подобных настроениях в королевском семействе и, можно сказать, с тяжелой душой отправились выполнять свой долг. К. Зукков вспоминал: «Всёобщее настроение в отношении этого авантюристического похода было подавленным. Даже наши высшие, опытные в войне начальники не скрывали от нас, что мы двинемся вовсе не в райские сады, и должны готовиться к лишениям всякого рода».^v Правда, среди младшего офицерства поначалу распространены были романтические и

часто любимые настроения, которые, впрочем, довольно быстро испарились под влиянием трудностей похода.^{vi}

Вюртембергский контингент был включен в состав III корпуса М. Нея под названием 25 пех. дивизии. Кронпринц сообщал, что маршал относится к нему с величайшей вежливостью и почтением. Но Наполеон всегда стремился иметь французских офицеров во главе иностранных формирований или при их штабах. Поэтому 22 марта в качестве начальника штаба дивизии был прислан полковник Лагранж, который, как выяснилось позднее, был настоящим шпионом при вюртембергской главной квартире. Несмотря на высокие оценки вюртембергских войск, которые Ней и Лагранж высказывали кронпринцу, у императора были основания не доверять их командному составу. Из донесений Лагранжа и, предположительно, доносов некоторых вюртембергских офицеров он был осведомлен об отсутствии у кронпринца и его окружения преданности делу Франции. Как приватный человек принц имел право на собственное суждение, но теперь он состоял на французской службе и его негативные высказывания о порядках на его родине становились нетерпимыми.^{vii} Открыто удалить его из армии Наполеон не решился по соображениям политическим, и он избирал другой путь — не мытьем, так катаньем.

Надежды короля Фридриха сохранить свои войска под единым и родным командованием вскоре стали рушиться. Несмотря на настойчивые просьбы, ему не удалось добиться соединения с дивизией 7 пех, полка, который еще с 1811 г. стоял в Данциге. 15 апреля 3 конно-егерский полк был направлен во 2 кав. корпус. Разгневанный король в письме к сыну заметил, что «следует предвидеть, что... за этим первым примером скоро последуют другие, и так постепенно королевские генералы будут устранены и вытеснены другими».^{viii} Предчувствия его не обманули.

25 кавалерийская бригада, которую составили три оставшихся вюртембергских полка, просуществовала недолго. Уже 4 июня Наполеон приказал распределить ее полки между другими французскими бригадами, хотя «главное командование остается генералу фон Вельварту, которому указано в делах службы сноситься непосредственно с маршалом Неем».^{ix} Кронпринц тотчас же сделал «настоятельнейшее возражение», а король в своем приказе выразил крайнюю «степень своего недовольства отделением кавалерии от армейского корпуса» и выводением Вельварта из-под командования кронпринца. Кронпринц сообщал, что причиной, которая вызвала гнев императора против вюртембергской кавалерии, было «поручение, которое она получила непосредственно от маршала Нея, согнать в окрестностях Торна за 24 часа убойный скот, необходимый для всего армейского корпуса на 16 дней. Эта операция по необходимости должна была принять вид грабежа и побудить огромные жалобы со стороны поданных... Вся ненависть против Неева приказа пала не на него, а на исполнителей».^x Наполеон в специальном приказе пожурил Нея, но козлами отпущения сделал вюртембергских генералов; теперь у него имелся достаточный повод, чтобы расформировать их бригаду.

Протесты коронованных особ успеха не имели и Вильгельм сообщал отцу: «25 кав. бригада приказом от 19 июня вновь распущена... Оставшимся из-за этого распоряжения без должности генералам фон Вельварту и фон Вальслебену указано оставаться в моей главной квартире». Он направил к А. Бертье своего адъютанта, чтобы выяснить, «имеет ли это распоряжение о кавалерии в своей основе недовольство императора личностью кронпринца?

Бертье категорически это отрицал и говорил в общем об эксцессах, совершаемых вюртембергской кавалерийской бригадой, о которых ежедневно докладывал императору»^{xi}. 25 июня в Ковно Наполеон в очень грубой форме, переходя на крик, заявил кронпринцу, что в его дивизии большой беспорядок, и что он имеет сильное желание расстрелять не некоторых из его генералов за мерзкие речи, которые они себе позволяют; они, впрочем, могут убираться, так как он в них не нуждается^{xii}. Позднее на запрос кронпринца он писал, что его «офицеры предаются дурнейшим речам. Генерал фон Вальслебен говорил о короле, Вашем отце, как о тиране... и даже высказывал намерение перейти к врагу. Ничуть не лучше оказался полковник граф Зальм. Многие другие офицеры вызывают дурной образ мыслей. Это не может быть не из вестно Вашему Королевскому Величеству»^{xiii}. В ожидании решения короля Вальслебен был посажен под арест в Мариенбурге, Вельварт остался больным в Кенигсберге, граф Зальм был арестован, но оправдан показаниями бригадного начальника П. Мурье.

Итак, император добился своего: фактически распустил вюртембергский корпус, низвел кронпринца Вильгельма до положения обычного дивизионного командира и ликвидировал фронт в рядах высшего вюртембергского офицерства; хотя надо отметить, что конфликты между вюртембергцами и французами не прекратились, они просто переместились на низший уровень, в ряды солдат и младших офицеров.^{xiv}

Вскоре Вильгельм заболел и оставил командование. Формально на смену ему был прислан генерал Ж. Маршан, хотя у вюртембергской пехоты был свой командир — Шелер. Та же странность была и в 14 кав. бригаде, где французскому генералу Ф. Берману подчинялся еще и вюртембергский — Л. фон Брейнинг. Немецкие войска были теперь прочно поставлены под французский контроль, правда, сами они к тому времени сократились на 50%.

Этот маленький эпизод наглядно показывает, насколько непрочным сооружением, скрепленным только волей и влиянием императора, была в 1812 г. Великая армия, эта ходячая Вавилонская башня.

ⁱ Pfister A. Aus dem Lager des Rheinbundes. Stuttgart, 1987, S. 19. Gerhardt Q. Die Württemberger in Russland. Stuttgart, 1937, S. II.

ⁱⁱ Miller M. Darstellung des Feldzugs...1812, Stuttgart, 1822, T. 1, S. 5.

ⁱⁱⁱ Gerhardt. Op. cit. S. 14.

^{iv} Pfister. Op. cit., S. 21, 35; Gerhardt. Op. cit., S. 1.

^v Suckow K. Aus meinem Soldatenleben. Lpz., 1901, S. 136.

^{vi} Fleischmann, Denkwürdigkeiten eines württembergischen Offiziers...B., 1882, S. 4; Gerhardt. Op. cit., S. 16, 17, 18.

^{vii} Pfister. Op. cit., S. 31, 35.

^{viii} Gerhardt. Op. cit., S. 36.

^{ix} Pfister. Op. cit., S. 34.

^x Ibid., S. 34, 47, Gerhardt. Op. cit., S. 36, 39; Miller. Op. cit., S. 7.

^{xi} Pfister. Op. cit., S. 45.

^{xii} Ibid., S. 44; Gerhardt. Op. cit., S. 38.

^{xiii} Pfister., Op. cit., S. 50.

^{xiv} Fleischmann. Op. cit., S. 9-11 u.a. Suckow. Op. cit., S. 157, 163 u.a. Gerhardt. Op. cit., S. 20-21 u.a.
